

трактовке того или иного его эпизода, в фольклорном преломлении фактов действительности.

Не раз обсуждался за последние тридцать лет и вопрос, впервые поставленный еще А. Востоковым в 1812 г., — прозой или стихами написано „Слово о полку Игоре“е“. В процессе обсуждения этого вопроса с полной очевидностью выяснилось, что в такой форме вопрос должен быть снят, ибо дилеммы никакой нет: ни одна из попыток доказать стихотворную природу „Слова“, предпринятых в прошлом веке и в начале нашего, — как известно, успехом не увенчалась; временная инерция ритма в „Слове“ не подлежит сомнению, но наличие этой инерции еще отнюдь не доказывает его стихотворной природы. Новейший исследователь вопроса М. П. Штокмар (имею в виду его превосходную работу о ритмике „Слова“, опубликованную в 1941 г. в сборнике статей „Старинная русская повесть“) уверенно говорит о прозаической природе звуковой организации „Слова“, и мнение это представляется мне единственно правильным решением вопроса. Нельзя отстаивать стихотворную природу ритмики „Слова“, не имея в запасе ни одного научно обоснованного довода в пользу этого утверждения.

Начиная примерно с 1925 г., внимание исследователей „Слова“ стали привлекать и некоторые другие элементы его художественной структуры: изредка встречающаяся в „Слове“ морфологическая рифма, аллитерация, поэтический синтаксис и пр. Изучение этих элементов, однако, носило случайный и чисто описательный характер: художественная структура „Слова“ в целом, в единстве всех своих составных частей, предметом специального исследования ни разу не становилась; отдельные элементы художественной структуры „Слова“ брались в отрыве один от другого, без учета их внутренне-закономерного соотношения. Очередная задача нашей науки — восполнить этот пробел. Тогда несомненно получит свое разрешение и дискуссионный вопрос о жанровой природе „Слова“. В нашей науке по этому последнему вопросу, как известно, имеются две точки зрения, взаимно исключающие одна другую: одни утверждают, что „Слово“ — героическая поэма; другие держатся того мнения, что „Слово“ — историческая повесть. Изучение художественной структуры „Слова“ в целом, в единстве всех ее элементов, привело меня к выводу, что ни та ни другая точки зрения действительности не соответствуют. „Слово“ — не повесть и не героическая поэма. „Слово“ — речь, памятник так называемого торжественного политического красноречия Киевской Руси XII века.

В 1929 г. акад. А. И. Соболевский высказал мнение, что „Слово“ в том его виде, в каком мы его теперь знаем, было написано в два приема: сперва была написана первая его часть — до плача Ярославны включительно, а затем, три года спустя, — вторая, заключительная. Эту точку зрения — ее, кстати сказать, еще в самом начале нашего века пытался обосновать В. В. Каллаш — в последнее время энергично отстаивал и Н. К. Гудзий. Лично я не вижу достаточных оснований к тому,